

Андрей Бурцев

УБИЙСТВЕННЫЙ
ЧЕМПИОНАТ

Андрей Бурцев

Убийственный чемпионат

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6149304

Аннотация

Убийства, погони, перестрелки, секс-бомбы, проститутки и светские львицы, а также бравые силовые структуры и Великий Частный Сыщик со своей верной напарницей – машине на суперкомпьютере, которому предстоит все это разгрести. Страсти в Городе накалены до предела, потому что в Городе происходит Первый Международный Чемпионат по ГТО (сейчас уже мало кто помнит, что это такое, но в недавние времена действительно было ого-го!). Сюжет развивается стремительно. Все время что-то происходит, так что Великому Сыщику некогда даже поесть и переспать (пардон, поспать), но, разумеется, он из всего выходит победителем похлеще чемпионов ГТО. Чтобы окончательно закрутить читателям головы, сюда добавлены Отцы Города (плохие), шпионы-ЦРУшники (относительно хорошие) и Соблазнительница (себе на уме).

Разумеется, все это не совсем серьезно (или совсем не серьезно), вот только почему кончается все так грустно и так минорно, а победа, как вечно у нас, превращается в Пиррову? Может, и правду говорят, что в каждой шутке есть доля шутки?..

Содержание

1	5
2	11
3	15
4	21
5	29
6	33
7	36
8	38
9	40
10	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Андрей Бурцев

Убийственный чемпионат

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Шоссе вихляет, как пьяная лошадь. За окном мелькает привычная до тошноты картина. Серые, обшарпанные многоэтажки, вросшие по пуп в землю дома индивидуального сектора вперемешку с неухоженными мусорными кучами, щербатые заборы... Чтобы меня и в самом деле не стошнило, пришлось закрыть глаза и выжать до предела педаль акселератора. Машина недовольно буркнула и выдала на дисплей: «Шеф, я не совсем согласна с тобой!», но все же увеличила скорость и стремительно понеслась по знакомому маршруту.

Из состояния приятной дремы меня выводят очень невежливо и больно. Дико верещат тормоза и в следующую секунду мой нос пытается стать единым целым с ветровым стеклом.

– Ты что, ополоумела?! – ору я Машине.

Вытаскиваю из нагрудного кармана зеркало и начинаю рассматривать свою физиономию. При моей профессии внешность – далеко не самое последнее дело. К тому же, как говорил один мой клиент, ныне покойный, морда – она денег стоит!

«Шеф, протри глаза!» – высвечивается на дисплее.

Я привык следовать советам Машины, доверять больше, чем себе. Отбрасываю зеркало и выглядываю в окно.

Вот это да! Такого столпотворения властей и законообо-

ронителей я еще не видел (хотя, смею уверить, насмотрелся всякого). Не менее двух десятков патрульных машин ГАИ, ПМГ и «Скорой помощи». Сирены воют, фары горят, мигалки крутятся. И в довершение над всем этим «форменным» табором зависла парочка вертолетов. Я по натуре человек не любопытный, но тут... Мне же потом мои возможные дети не простят. Скажут: «Ты был на месте преступления века и не принял участия в его расследовании! Эх, папа...» А в том, что здесь преступление мирового масштаба, сомневаться не приходится. В противном случае, скажите мне, зачем все это моторизованное кодро скучилось на очень ограниченном участке почти что загородной территории? Даже председатель исполкома тут. Вон его «Волга» чернеет. А уж этот-то жук по пустыкам из своего кабинета не вылезает. Да-а-а!

– Что будем делать, милая? – спрашиваю совета у Машины.

Что такое? Ну и номер! Молчит, родимая. Молчит, как рыба об лед! Приходится повторить вопрос.

– Рвать когти! И чем быстрее, тем лучше! – отвечает Машина.

Я ошарашиваюсь. Самое бесстрашное существо из когда-либо живших на земле советует смываться? Видать, тут и в самом деле такое произошло...

Открываю дверцу и выхожу. На вольном, не кондиционированном воздухе впечатление еще более ошеломляющее.

Туда-сюда шныряют инспектора, сержанты, лейтенанты. Со всех сторон репортерские вспышки. С поводком рвутся служебные собаки. Одна, кстати, прет прямо на меня. Ну и страшила! За ней, как консервная банка, болтается молодой сержантик. Вывалил язык до самой земли... Я имею в виду пса. Сержанту язык такой длины не полагается по званию. А я стою, как пень, столбняк какой-то нашел – ни рукой, ни ногой. Все, думаю, это судьба, пришел твой конец, частный детектив Ломов!.. А эта сволочь лохматая прометелила мимо и понеслась куда-то по направлению к центру Города. Видеть, след взяла...

– Я тебя предупреждала! – слышится ехидный голос Машины. – Дальше еще хуже будет...

Но во мне уже выиграла профессиональная гордость.

– Извини, дорогая! – говорю и направляюсь в самое скопище «опогоненных» товарищей по профессии.

В эпицентре этого милицейского урагана стоит обычного вида газетный киоск. Стандартный такой. С большим трудом мне удастся протолкаться в дверь. Ба! Знакомые все лица! Старший следователь прокуратуры Икс, оперуполномоченный Игрек и криминалистка-эксперт Зет! Век бы их не видать...

Но на что похож киоск! Вся печатная продукция разодрана в клочья, битое стекло, и все это перемазано таким толстым слоем дерьма, что... «Срочно отправьте экскременты на анализ. На предмет идентификации личности», – улавли-

ваю краем уха приказ Икса. И тут, с перекошенной от злобы физиономией, на меня наезжает Игрек.

– А тебе чего здесь надо? – вопит. – Выметайся живо, ублюдок частный!

– Не очень-то вы вежливы, – отвечаю. – И это, увы, не единственный ваш недостаток.

– Сержант! – еще громче вопит Игрек. – Почему посторонних пропускаете на место происшествия? Чему вас в школе милиции учили? Немедленно удалите посторонних!!!

Молчаливо-мрачной горой на меня наваливается представитель карликовых милицейских чинов.

– Отставить, сержант, – говорю я и стряхиваю с плеча его граблеподобную лапищу. – Это движение ногами я сделаю сам.

И направляюсь к выходу. В дверях делаю вид, что спотыкаюсь, и элегантно движением ноги отправляю небольшую порцию дерьма прямо в рожу Игрека. В качестве компенсации за ублюдка.

По дороге к Машине меня разбирает дикий смех. Ну, дадут!!! Из-за обделанного киоска поднять такой шум?! Они бы еще армию подтянули, пинкертоны сраные. На анализ, на яйцеглист!

Иду и хохочу от души, давно так не смеялся. Ведь даже ребенку ясно, кто здесь поработал. Кто еще может так густо и обильно надермить, кроме Гришки-золотаря? Ну да ладно, пусть повозятся. Дерьмом быть – в дерьме плыть...

Но вонища – даже на таком расстоянии достает!

Сажусь в Машину и срочно включаю кондиционер.

– В изрядную кучу дерьма ты влип, шеф! – голосом, полным сарказма, приветствует мое появление Машина.

– Это в каком смысле? – спрашиваю.

– И в прямом, и в переносном.

– Не понял, – говорю.

– А ты понюхай, как следует.

Принюхиваюсь. Пахнет. Чтоб мне каждый день в новой обуви ходить – пахнет! Дерьмом воняет! Начинаю внимательно осматривать себя.

– На ботинок посмотри. На правый... – советует Машина.

Смотрю – и точно. Самый кончик носка в чем-то подозрительном измазан. Где это я умудрился? Ну, конечно же, когда Игреку в морду загребал. Та-ак! Срочно нужна чистка. Да и ванна бы не помешала. Тем более, километрах в двух отсюда есть небольшой кемпинг. Поворачиваю ключ – не заводится. Пытаюсь еще раз – никакого эффекта. Вот тебе и пироги с хреном! Что-то сегодня моя родная много себе позволяет...

– Это что за номера? – злюсь я не на шутку.

«Дерьмовозом не работала, не работаю и работать не собираюсь!» – читаю на дисплее. От возмущения даже челюсть отвисла.

– Это я дерьмо?!

– Поскольку на текущий момент, – бесстрастным голосом заявляет Машина, – твоя правая нижняя конечность одета в

туфлю, которая на данном этапе представляет с означенной конечностью единое целое, и поскольку это единое целое измазано в некой дурно пахнущей субстанции... Дальнейшие выводы делай сам.

Такой логикой можно сразить кого угодно. Выхода нет. Приходится снимать туфлю.

– Это вот это ты имеешь в виду? – спрашиваю.

– Оно самое, – отвечает Машина.

Открываю окно и выбрасываю туфлю. Немного погодя, снимаю левую и тоже выбрасываю.

– А вот это, шеф, уже перебор! – В ту же секунду включается двигатель. – Куда прикажете?

Ничего другого не остается, как только буркнуть:

– Кемпинг «Ослиная лужайка»...

2

«Ослиную лужайку» несколько месяцев назад взяла в аренду семья некоего Рудольфа Карловича Беспрозванного. До этого прогрессивного деяния кемпинг представлял собой довольно унылое заведение. Стандартная мебель, стандартная грязь и не менее стандартное хамство. С переходом в получастное владение с ним произошли разительные перемены. Импортное оборудование и обстановка, приятный во всех отношениях персонал. Не стыдно и иностранных гостей принимать. Что и случалось довольно часто.

Оставив Машину на стоянке и выслушав вслед очередное за сегодняшний вечер зловещее предупреждение: «Ноги выдернут, шеф!», направляюсь к двери. Входу. Ничего так: чисто, спокойно, музыка... А вот это сюрприз!

В самом дальнем углу сидит Золотарь. И с кем бы вы думали? С Тренажером! Вот это да!!! Да ведь это все равно, что представить нашего Президента в обнимку с... Ох, думаю, нечисто здесь. К тому же Золотарь трясет перед носом Тренажера пачкой банкнот толщиной с УК. А ведь у него таких денег отродясь не водилось. Насколько мне известно, самой крупной выручки от его ремесла едва хватает на пачку сигарет «Винстон». А тут... Да и вид – грудь колесом, глазки – что твои маяки. Ну, уж нет, думаю, сейчас я тебя спущу на грешную землю!

Делаю знак бармену – молчи, мол, а сам незаметно подхожу к столику Золотаря. Встаю за спиной деньготряса и ору во всю глотку:

– Руки вверх, неприятель!

Золотарь так стремительно задирает руки вверх, что я едва успеваю отскочить. Иначе этот недоделок въехал бы мне снизу вверх. А моя мама не любит, когда у меня на физии появляются какие-нибудь не от рождения положенные атрибуты. Лоск с Золотаря слетает не менее стремительно. И запашок пошел. Но я-то знаю, с кем имею дело. Быстренько переворачиваю его, вежливо снимаю джинсы и пробкой от шампанского затыкаю ему зад.

– Вот так-то, дружок! Теперь и поговорить можно. Давай, выкладывай.

А тот смотрит на меня, как на привидение, пучит глаза и сипит, как прохудившийся радиатор парового отопления. Приходится дать ему немного под ребро для стимуляции. Золотарь икает, но сипеть перестает.

– Чего выкладывать?

– Ты меня за кого держишь, Золотарь? – говорю. – Вот про это давай. – Показываю рукой на стул, где сидит Тренажер. – И про это не забудь, – намекаю на деньги.

Золотарь испуганно трясет башкой.

– Нет-нет-нет! Господом Иисусом!..

Я его хорошо знаю, в таком состоянии с ним бесполезно разговаривать, поэтому решаю переключиться на его парт-

нершу. Уж эта стерва наверняка объяснит мне сей парадокс: компанию с Золотарем. Ведь это же надо было случиться чему-то очень неординарному, чтобы Тренажер, пользующая только иностранных гостей и только за валюту, польстилась на золотарские рублишки. Пусть и в бешеном количестве.

– Ладно, дружок, тайм-аут, – говорю Золотарю. – Давай побеседуем с твоей милашкой. – И оборачиваюсь к Тренажеру...

Вот это номер! Стул, на котором она только что сидела, вызывающе пуст. Ничего не понимаю! Когда и как она успела улизнуть? Краем глаза замечаю, что бармен подает мне какие-то знаки. Приглядываюсь и понимаю, что самым кончиком подбородка он показывает на служебный выход. Мысленно благодарю бармена и направляюсь к двери в подсобку. Но не успеваю сделать и трех шагов. За спиной раздаётся глухой удар, потом какое-то короткое, с подозрительным прибулькиванием и дробным стукотом (как горох об пол), кошачье мявканье. Стремительно оборачиваюсь и вижу: Золотарь, с глазами, выкатившимися на лоб, медленно сползает со стула на пол, а из его затылка торчит бутылка шампанского. Как из ведерка. Ловкий бросок! Подбегаю к входной двери, распахиваю ее и кричу в темноту:

– Мужики, это нечестно! Мы так не договаривались!

Потом возвращаюсь к Золотарю. С ним, похоже, все ясно. Свежеиспеченный покойник. И что самое обидное: эта скотина так и не успела мне ничего сказать. Хотя шанс прояс-

нить ситуацию все же есть. Правда, я это дело не очень люблю, но в данный момент ничего другого не остается. Выворачиваю карманы у трупа. Ничего. Только какие-то квитанции, бумажки... Ага! Вот это уже кое-что! Пачка порнографических календарей. Внимательно рассматриваю их и на самом последнем замечаю какую-то зашифрованную надпись и стрелку, указывающую на обведенное красным кружком число: 14 августа. Ну что ж, и это хлеб. Еще раз внимательно оглядываю помещение и кричу бармену:

– Товарищ, можешь вызывать милицию!

И сам себе добавляю: «Если сочтешь, что от их появления будет какой-нибудь прок».

3

На автомобильной стоянке непривычно пусто. На эту странность я обратил внимание еще в самом начале. Обычно, чтобы найти свободное место и припарковаться, приходилось тратить минимум десять минут – такой популярностью среди иностранцев пользуется этот кемпинг. А тут... Хотя, нет. Когда я подъехал, если мне не изменяет память, какие-то машины были. Ну, точно! Стояла серая «Волга», за рулем какой-то тип в шляпе. Еще голубой «Ягуар» стоял. Но внутри уже без шляп. А сейчас одна моя «старушка» верная.

Сев в Машину, решаю немного успокоиться и обдумать ситуацию. Что мы имеем? Ограбление газетного киоска. Раз. Кто там пошуровал – нам известно. Работа Золотаря. Дермовые следы мог оставить только он. Да и календари в его кармане явно взяты из того же киоска. Возникает вопрос: зачем? На продажу? Только не это. На них такие страшные девки фотомодельничают, даром предлагай – никто не клюнет, еще и доплачивать придется, чтобы кто-то польстился. Себе решил оставить? И это отпадает. Насколько мне известно еще по работе в органах, во всех делах, в которых фигурировал Золотарь, сообщалось, что последний – наследственный педераст. Да, кстати, а что, в таком случае, он делал в компании с Тренажером? Или разок решил изменить привычке? Да нет, против генов не попрешь... И еще

одно: откуда у этого козла такая бешеная куча деньжищ? Ведь невозможно поверить, что это некто заплатил ему за ограбление задрипанного киоска. Выиграл в спортлото? Наследство? Нет, легальные методы получения крупных сумм в данном случае не подходят. Тут явно какой-то криминал. Что делала в кемпинге Тренажер – ясно. Ждала очередного валютного клиента. Куда и почему она исчезла – тоже можно выяснить чуть позже. Но вот по какой причине сегодня в кемпинге, как после мамаева побоища, пусто, это интересно. И еще одна заковыристая штука: кто это так ловко выключил Золотаря, и самое главное, зачем?

Тут мои размышления прерывает снисходительный голос Машины:

- Чемпионат мира по ГТО, – говорит она.
- Не понял, – честно признаюсь я.
- Что-то слишком много ты в последнее время перестал понимать, – в очередной раз за сегодня ехидничает Машина. Напряги мозги и подумай: ГТО... Готов к Труд и Обороне... Думай, шеф!

Хорошо ей говорить – думай! Тут голова кругом идет. Попробуй, увяжи в одну кучу дерьмо, проститутку высшего класса, производителя этого дерьма, к тому же в виде еще не остывшего трупа! Ну, да делать нечего, начнем сначала. Итак, Золотарь по какой-то неизвестной нам причине отваживается на ограбление газетного киоска. Эта операция проходит успешно. И даже более того – Золотарь не боится оста-

вить следы. Напротив, у меня такое впечатление, что он специально засрал весь киоск, чтобы следствие сразу вышло на него... О, боже, какой же я идиот! Ну, конечно же, Золотаря элементарно подставили! Заплатив за это бешеную кучу денег. Но кто в наше время жалеет эти бумажки?

– Ну, наконец-то! – отзывается Машина. – Первые разумные слова за весь вечер. Продолжай в том же духе.

Делаю вид, что не обратил внимания на явную издевку в ее словах, и продолжаю рассуждать. На чем мы остановились?.. Ага! Значит, Золотаря подставляют... Стоп, стоп! А на кой его подставлять, если он ничего не взял из киоска, кроме этих монстровых баб на календарях?

– Думай, думай, шеф, горячо! – опять влезает в мои рассуждения Машина.

Так, начнем еще раз. Золотарь за очен-но приличную сумму лезет в киоск. Хоть там и нечего брать, но тем не менее, что-то он там экспроприрует. Ведь не за сам же факт ограбления ему заплатили! Далее, Золотарь с чем-то экспропрированным прет в «Ослиную лужайку» и там, судя по всему, ожидает работодателя. В «Ослиной лужайке» он случайно налетает на Тренажера и хвастает деньгами. Эту сцену мы имели возможность наблюдать. То, что Тренажер в этой истории сбоку припека, неоспоримый факт. Тут появляюсь я, начинаю домогаться истины, и кто-то, убоявшись разоблачения, удивительно метким броском бутылки выключает Золотаря из всей этой темной истории. Причем выключает на-

всегда. Какой из этого следует вывод? Ясно одно: предмет кражи Золотарь на момент моего появления еще не успел передать своему благодетелю. Следуем дальше. При обыске у Золотаря мы ничего не нашли. Точнее, не нашли ничего заслуживающего внимания. Ведь нельзя же эти календари... Стоп! Опять календари!

Достаю из кармана календари и еще раз внимательно рассматриваю их. Все совершенно нормально и естественно, если не считать загадочной надписи и числа в кружке...

– Кипяток! Кипяток! – торжествующе вопит Машина. – Дожимай, шеф!

– Получается, Золотаря убрали из-за этих вот каракулек? – неуверенно спрашиваю я.

– Не из-за каракулек, а из-за того, что он в тот момент мог выложить, кому этот календарь нужен позарез или встал поперек горла. Понятно?

Я снова задумываюсь. Это ведь что получается: кому-то эта порнуха нужна так, что он готов пойти на убийство, а кому-то так, что он платит дикую сумму, лишь бы ее заполучить. Но в таком случае, должен быть еще кто-то третий, для кого это календарь – просто бумажка с рядовой информацией... Вот это компот!

– Ну, ты намудрил, шеф! Так хорошо начал... – вздыхает Машина.

Я и сам уже понял, что залез куда-то не туда. Все должно быть проще, намного проще.

– Даю подсказку, – высвечивается на дисплее. – Подумай о том человеке, который так метко бросил бутылку.

А ведь она права, моя умница. В конце концов, не так уж важно, кто кому свинью подложил, убив Золотаря. Главное то, что мне известна причина этого свинства – календарь с шифровкой. А теперь порассуждаем о метателе бутылок...

– Ну, наконец-то! – удовлетворенно произносит Машина.

– Ласточка ты моя, – отвечаю и продолжаю философствовать: – Бутылку бросили с довольно-таки приличного расстояния, это раз. Бросили с большой силой. Пробить золотарский дубовый череп – это надо очень постараться. Это два. И в третьих, попасть с такого расстояния и с такой меткостью надо иметь очень верный глаз и натренированную руку. Что следует из этих трех факторов? Ну, во-первых, то, что это не могла сделать женщина. Однозначно. Дети и старики тоже отпадают...

Построение логической цепочки в который раз прерывается Машиной.

– Чемпионат по ГТО.

Черт побери! Ну, конечно же! Они же там гранаты мечут! И на дальность, и на точность. Там и только там надо искать убийцу. Причем не среди рядовых участников, а в лидирующей группе, среди элиты. И мало того, искать среди тех фаворитов, которые в момент убийства отсутствовали на стадионе. Таких, я думаю, будет не очень много. А это упрощает дело.

- Похоже, ты обретаешь прежнюю боевую форму, – подбрасывает комплимент Машина. – Куда прикажете?
- «Интернациональ», – решительно приказываю я.

Взревев мотором и круто развернувшись, Машина понеслась к центру Города. Я откидываюсь на спинку сидения и расслабляюсь. Что ни говори, а иметь такого помощника, как у меня великое дело! Да что там помощника – равноценного партнера по сыску. И не меньше. Бывало, она меня из таких передрыг вытаскивала, вспоминать страшно. Но, правда, и сумма, которую я за нее уплатил, вызывает не менее устрашающие воспоминания. Дыра в моем бюджете после покупки Машины образовалась, как после лобовой атаки пьяным слоном некачественной кирпичной стены. Это мои друзья-кооператорщики расстарались. Я им, конечно, премного благодарен, по гроб жизни, можно сказать, но со своего-то брата-индивидуала могли бы и поменьше сшибить.

– Отель «Интернациональ», – лихо взвизгнув тормозами, объявляет Машина. – Только очень прошу, шеф, будь бдителен и осторожен.

– Да что ты меня сегодня весь вечер пугаешь?!

– Не пугаю. Я пытаюсь уберечь тебя от опрометчивых поступков. И от ходьбы по лезвию ножа. В твоём положении это чревато серьезными последствиями. Ножки поранишь!

Только тут до меня доходит, что все это время я попираю грешную землю, можно сказать, босыми ногами. Туфли-то ведь я выбросил еще у засранного киоска. Н-да, ситуация!

Могут и в отель не пустить. А попасть мне туда крайне необходимо... Раз Машина советует... Хотя лично я в этот официально узаконенный бордель не полез бы даже под страхом смертной казни. Чего я там не видел? Дивизию разновозрастных шлюх, что ли?

Машина крикает и противным старческим голосом шепелявит:

– Сынок, ты у меня прямо на глазах глупеешь. Я тебя кормила-ростила, а ты? Вальтов по черепу пускаешь... – И внезапно переходит на свой обычный, снисходительный тон: Вспомни, козел, чем замочили Золотаря!

Немного подумав, отвечаю:

– Кажется, бутылкой шампанского.

– Одному казалось, что в жены девственница досталась...

Правильно вспомнил. Шампанским. Но вопрос – каким? Марку, трезвенник несчастный, можешь вспомнить?

Я опять усиленно морщу лоб.

– А у него что, еще и разные марки бывают? Я за всю жизнь видел только одну – «Советское»...

– Пить больше надо, добродетель ходячая! Золотарь удостоился чести быть убитым «Мадам Клико». Эстеты недоделанные!

Вот тут я оскорбляюсь не на шутку.

– Это кто недоделанный? Я, что ли?

– Что ты, что ты! – притворно-испуганно вскрикивает Машина. – Ты у нас не недоделанный, тебя в процессе произ-

водства, похоже, переделали, перестарались... – И без всякого перехода ревет: – Дергай в бар, придурок! Всему городу известно, что только в баре «Интернационаля» можно купить «Мадам Клико». Правда, за валюту... За наши, деревянные, у них и дырявого презерватива не купишь...

Меня, как ветром, выносит из Машины. Даже про босые ноги забываю. Прыгаю через несколько ступенек вверх к вертящимся стеклянным дверям отеля, а в голове привычно выстраивается логическая цепочка: Золотаря убрали броском, достойным чемпиона, раз. Убили бутылкой «Мадам Клико», два. «Мадам Клико» могли взять только в баре «Интернационаля», три. И, наконец, четвертое – в Городе в данный момент происходит чемпионат мира по ГТО. Из всего этого следует простой вывод: надо выяснить у бармена, кто за истекший день и вечер обращался к нему с вопросом по поводу продажи этой самой «Мадам».

Доскакав до дверей, я был вынужден остановиться. Дорогу к заветному бару перекрывал невероятных размеров швейцар. Весь в галунах, шевронах и позументах. Ну, а по количеству растительности на морде этот дядька явно косил под Маркса, который Карл. А может, дальний родственник... Но разбираться в политических и генеалогических корнях этого придворного мордоворота у меня нет времени, поэтому просто с разбегу бодаю головой в его обильный живот, швейцар хрюкает и складывается пополам. Путь свободен. Влетаю в холл и, как танк во хмелю, пружу к бару. Бармен та-

ращиться на меня, словно на привидение. Но в нашем деле иногда приходится отставлять в сторону этикет и приличия, поэтому, ничтоже сумняшеся, сгребаю его за грудки и ору прямо в ухо:

– Кто у тебя, котяра валютный, сегодня брал «Мадам Клико»? Быстро!

Молчит, харя разъезжая, только губами трясет. Ору в другое ухо:

– Я у тебя не карту размещения наших стратегических ракет спрашиваю! И не секрет получения десяти стограммовых коктейлей из пятисотграммовой бутылки «Столичной»... Повторяю еще раз: кто брал сегодня «Мадам Клико»?

Ору и краем глаза замечаю какого-то подозрительного типа иностранного вида, делающего двусмысленные движения в мой адрес. Ничего, думаю, подождешь, гостенек дорогой! Мы тут сначала свои внутренние проблемы решим.

– Ну, так как, друг пернатых, вспомнил? – снова обращаюсь к бармену.

– Спортсмен какой-то брал парочку... – наконец, выдавливают тот.

– Э-э, парень, я так не играю! Про спортсмена я и без тебя знаю. Ты внешность его нарисуй, – и слегка поддаю его коленкой в живот.

– Ой-ой-ой! – орет бармен и начинает живописать: – Здоровый такой, мордатый...

– Паренек, – перебиваю я его, – я вполне допускаю, что ты не Рубенс, но такие художества доведут меня до греха. Что значит мордатый? У них у всех морды – всемером за неделю не обделаешь... Ты мне характерные детали его внешности давай. Хромой, косой, безрукий?

– Не-е... – совсем растекается бармен. – Нормальный мужик, при всем...

– У, мразь! – Я окончательно понимаю, что ничего от этой сволочи не добьюсь. – Кобель вонючий. Пшел отсюда!

Брезгливо отряхиваю руки и отхожу от бара. Тот ко мне бочком подгребает этот подозрительный иностранного вида.

– Мсье хотел бы получить информацию?

– Мсье много чего хотел бы, – отвечаю не совсем вежливо, но меня можно понять – целый вечер с одним дерьмом сталкиваюсь. Типчик испуганно оглядывается и шепчет:

– Моя знайт, кто куплял этот бутылка. Моя его случайно фотографируй.

После таких слов у меня екает сердце. Вот это удача!

– Где фотография?! – ору.

Он снова озирается.

– О-о, с фотографий малинький замена. Моя отдавайт пленка... как это? А-а, проявка! Завтра сказал приходиться к обед.

У меня внутри все поет. Черт с ним, думаю, до завтра потерпеть можно.

– Мир, дружба, – говорю. – Найрамдал! Но пасаран! Вот

только как бы мне эту фотографию получить?

– О, ноу проблем! – отвечает. – Завтра в два часа день на этом месте. Я буду ожидать вас. А это сувенир. – И протягивает великолепный «Паркер». От таких сувениров грех отказываться даже по соображениям идеологическим, поэтому «Паркер» принимаю и задаю последний вопрос:

– Как мне вас найти в случае чего?

– Это просто, как выедка в яйцо! Спросийт Боба Смит, любая герлз вам показывайт мой апартамент. – И делает мне ручкой – гуд бай!

И я ему тоже – до побачення!

Хороший мужик Боб Смит! Приятно с таким работать. Весело насвистывая, выхожу на крыльцо. А вот это уже лишнее! Гляжу: стоит мой согбенный Карл Маркс (Хорошо, видеть, я ему въехал, раз до сих пор не разогнулся) в окружении шести-семи явно уголовных элементов и о чем-то с ними сговаривается. Нюх у меня на такие вещи верный, сразу понимаю: быть грандиозной драке. Ну, это меня не пугает – шесть-семь бугаев мне на одну левую. Продолжая насвистывать, спускаюсь к Машине. Слышу сзади:

– Эй, фраер, стой!

Мне что, могу и постоять. Свежий воздух еще ничему не вредил. Стою, дышу и смотрю, как это кодро во всем правилам игры «Семеро одного бьют» берет меня в полукольцо. Через пару секунд они заканчивают построение и слышится традиционная команда к атаке:

– Мужик, у тебя закурить не найдется?

– Ну как же, – отвечаю, – не найдется? Для милого дружка и серьгу из ушка!

И тут же хватаю двумя пальцами нос близстоящего любителя канцерогенов. Этот поступок вызывает в толпе желающих покурить на халяву некоторое замешательство. Его мне хватает на то, чтобы, не отпуская носа самого страждущего, ударом свободной руки сбить еще одного. А потом эффективным, но, к сожалению, незаметным для глаза движением левой ноги повалить на землю самого здорового из противников.

Честно признаться, я думал, эти действия собьют с них охоту покурить. Но я глубоко заблуждался. Гляжу, начинают вооружаться подручными средствами – палки, камни, сомнительной чистоты железяки.

– А вот это уже нечестно, хлопцы, – обращаюсь к ним с совершенно искренней обидой в голосе. – Так мы не договаривались...

Да разве их проймешь? Продолжают, как ни в чем не бывало, совершать угрожающие движения своими примитивными орудиями нападения. Ну, ладно! Раз миром не получается – пеняйте на себя!

Но предстать перед этими молодчиками во всей своей красе не удастся. Случается невероятное. Страшный, чудовищной силы удар обрушивается на меня сзади, опрокидывает на землю. Руки-ноги перестают подчиняться мыслен-

ным приказам, в голове гудит, на глаза накатывает противная до рвоты пелена. В довершение ко всему, чувствую, что сознание коварно покидает меня. Последнее, что успеваю зафиксировать из окружающей действительности – сапоги, кеды, ботинки и кроссовки, которые разом устремляются в мой левый глаз. И совсем уже на грани небытия – крик Тренажера: «Ах, вы, титьки тараканьи!...»

Тут я окончательно проваливаюсь в бездну мрака...

5

...откуда меня поднимают заполошные гудки Машины. Открываю глаза и ничего не понимаю. Каким образом я очутился в своей комнате? Да еще в кровати? Последнее, что помню из вчерашнего, богатого событиями дня, как кто-то очень ловко и профессионально выключил меня из игры. Дальнейшее – густой мрак. А Машина продолжает разоряться за окном. Пытаюсь встать... Вот это номер! Руки и ноги как не свои. В голове гуд. Единственно спасение – горячая ванна. С грехом пополам добираюсь до ванной комнаты, с криками и слезами стаскиваю с себя одежду и буквально столбенею. Вся спина и задница сине-зелено-черного цвета. Вот это синячище! Первый раз такой вижу! Это с какой же силой надо было въехать? А самое главное – кто это сделал? Ведь насколько я помню, сзади у меня никого не было. Тыл прикрывала Машина. Пробраться туда никто не мог. Лезу под душ и продолжаю размышлять. Хотя, если честно, какие могут быть размышления, если все мысли разбегаются, как мыши от кошки.

Снова раздаются требовательные сигналы Машины. И тут в голове у меня начинают появляться какие-то проблески.

– А-а-а! – ору я и стремительно вылетаю из ванной. Быстренько натягиваю штаны, хватаю молоток поувесистей и со всей возможной в моем положении быстротой вылетаю из

дверей. – Ну, держись, сундук компьютеризированный! Сейчас я за все твои вчерашние фокусы рассчитаюсь. Я научу тебя свободу любить!

Такая меня злоба взяла, аж дыхание перехватило. Качусь по ступенькам и предвкушаю, как буду громить этого одиспленного предателя. На молекулы разложу! На болты и гайки...

Вылетаю из подъезда во двор. Вот она стоит, родимая, пиликает. Сейчас ты у меня попиликаешь, сума переметная! Поднимаю молоток над головой и с воинственным индейским улюлюканьем устремляюсь на абордаж...

Ничего не выходит. Эта сволочь рывкает мотором и откатывается на пару метров в сторону. По инерции меня пронесит мимо и врежет в стену дома. Бам-м-м! Вторая попытка еще хуже. Машина опять вовремя откатывается, а я... Короче, молоток вместе с моей рукой и прочим синюшным телом с грохотом и звоном проникает через окно с чью-то квартиру. Злости у меня поубавляется, но, как говорится, Бог троицу любит. Предпринимаю третью попытку. На этот раз действую более осторожно и осмотрительно. Поигрывая молотком, выхожу на середину двора и останавливаюсь. Жду ответного шага бывшего союзника и «верного друга». Машина тоже останавливается и ехидно подмигивает левой фарой.

– Что, шеф, наигрался? Индеец... – И видя, что я собираюсь бросить в нее молоток, добавляет: – Вот только не надо молоток в бумеранг превращать. Сам же и получишь по го-

лове... А она у тебя далеко не самое крепкое место, если ты до сих пор ничего не понял...

– Ты мне лапшу на уши не вешай! – задыхаюсь от негодования. – Я все равно до тебя доберусь!

– Доберешься, доберешься, – отвечает Машина. – Но сначала пойди мозги промой. Клизмой.

– Почему это клизмой? – оторопело спрашиваю я.

– Потому что у тебя голова там, где задница, и наоборот, – отвечает Машина. – Другой бы на твоём месте в колеса бы поклонился, весь капот облизал бы мне из благодарности, а ты...

– Это за что же я должен тебя благодарить? За коварство и предательство? За это вот?.. – Спускаю штаны и заголяю зад.

– Да-а! – хмыкает Машина. – Классный удар, приятно вспомнить. Но кто же мог знать, что у тебя такая тонкая организация задницы?! Абстракционист... – Немного помолчав, добавляет: – Выставка абстрактного искусства закончена. Экспонаты могут расходиться по домам. – И, поскольку я продолжаю стоять с голым задом, орет: – Да убери свой курдюк! Он не вызывает у меня приятных эмоций. И молоток брось!

Поняв, что эту битву мне не выиграть, бросаю молоток. Не в подружку мою. Мимо.

– Вот так-то лучше, удовлетворяется моими действиями Машина. – А теперь лезь в салон и послушай, что я тебе скажу. И покажу.

Что остается делать? Вздохнуть и действовать согласно ее указаниям.

6

В салоне тепло, уютно. Пахнет хорошим французским одеколоном. Негромко играет музыка. Грешки свои замаливает, думаю. Поглядим, что будет дальше.

А дальше начинаются интересные события. Музыка прерывается и на дисплее появляется лицо теледиктора. С серьезной миной оно начинает вещать о злодейском преступлении – ограблении газетного киоска. Потом идет запись репортажа с места событий (это уделанный-то киоск – место событий!), далее интервью со следователем Иксом. Он долго и многоумно распинается о том, что с таким коварным преступлением ему еще не приходилось сталкиваться, что по его мнению работал очень опытный преступник, и в довершение всего, делает доведшее меня до судорог (от смеха) заявление: «На месте преступления преступник оставил неоспоримую преступную улику и вещественное доказательство – пару туфель, размер сорок один, производства Кимрской обувной фабрики. Лиц, знающих владельца этих туфель, просим позвонить по телефону...» – и далее целая куча номеров.

Вот я и сподобился. Точнее, мои туфли. Теперь они будут стоять в камере вещдоков на самом почетном месте.

– Повеселился? – прерывает мой смех Машина. – А теперь маленько погрусти над бренностью всего земного и своего бытия в частности... – И выдает следующее сообщение:

– «Вчера, в двадцать три ноль-ноль местного времени, в районе Гусинойцевского оврага произошел взрыв бомбы замедленного действия. Жертвами стали шесть лиц мужского пола. Идентифицировать личности не удалось. Трупы в сильно поврежденном состоянии. В ходе предварительного расследования выяснилось, что взрывное устройство было замаскировано под самопишущую авторучку фирмы „Паркер“. Лиц, знающих...»

Вот это да! Как обухом по голове! Ведь это что же получается? Это же презентованный мне «Паркер» взорвался! Это же я должен сейчас находиться в состоянии невозможности идентификации личности!

Усаживаюсь поудобнее и заискивающе гляжу в дисплей.

– Что-то я давно твоего голоса не слышал, милая. Обласкай мне слух объяснением всего этого кошмара.

– Похоже, шеф, вчерашние события окончательно скособолили твои мозги, – вздыхает Машина. – Это ведь просто, как, по выражению твоего забугорного друга – выедка от яйца. Но, видя, что я продолжаю тарашиться на дисплей, она все же снисходит до пояснений: – Вчера, пока ты героически махался с превосходящими силами противника, я уловила подозрительное тиканье в твоём правом нагрудном кармане. Вычислить, что там тикает и сколько еще этого тиканья осталось, было делом пары минут. Ты же тем временем продолжал разминать свои верхние и нижние конечности. Разминал и не подозревал, какую конфетку подложил сам се-

бе. Я встала перед выбором: или взорваться, заметь, вместе с тобой через непродолжительное время, или любимыми доступными средствами избавить тебя от этого презента. Ну, а поскольку я знаю твои способности в разминании конечностей, у меня возникло твердое убеждение, что судьба склоняет чашу весов в пользу первого варианта. Надеюсь, даже ты со своими куриными мозгами согласишься, что это далеко не лучший выбор. Пришлось вмешаться. Заметь, вмешательство носило относительно ненавязчивый характер, в результате чего «Паркер» оказался в качестве премиальных у неосмотрительно накативших на тебя не идентифицированных личностей. А мы с тобой целы и вполне работоспособны. Доволен, шеф?

Доволен ли я? Да я готов целовать не только капот моей милой, но и каждое колесо в отдельности! Приношу ей во всевозможных формах миллион извинений и заверений в вечной любви. Обещаю даже носить на руках...

– А вот это не надо, – прерывает мои словоизлияния Машина. – Ручки тебе самому пригодятся. Или ты решил бросить начатое вчера дело? Если нет, у нас впереди напряженный день.

– На стадион! – решительно командую я, и Машина, весело бренча всеми железками (видимо, маскируясь под старый драндулет), несется к месту спортивных побоищ.

Стадион окружает несметная толпа безбилетников, желающая попасть на спортивное событие века – чемпионат мира по ГТО. Лишний билетик спрашивают, не доезжая километров двух до стадиона. Весь Город залеплен афишами и анонсами. С большим трудом удается припарковаться на стоянке возле главного входа, да и то потому, что Машина приняла облик старого, заезженного «козла». В воротах подмигиваю знакомому контролеру (как-то я накрыл по его просьбе жену его на месте совокупления с любовником) и беспрепятственно прохожу на трибуну. Народу-у-у! Как за «ливеркой». Все орут, все вопят, машут флагами и дуют в дудки. Так, надо сориентироваться. У кого я могу выяснить соответствие списочного состава с участвовавшими во вчерашнем дне соревнований? Кто давил сачка, так сказать?.. Кто тут хозяин бала?

Проще всего обратиться к телекомментатору (тоже мой бывший клиент), уж этот-то прохвост знает все на свете. Так и делаю. Нахально лезу в комментаторскую будку и через пару минут имею все нужные данные. Отсутствовали вчера трое. А, Б и С. Кстати, все трое – гэтэошники мирового уровня. Вот так-то! Остается самый пустяк: сегодня же разыскать их и немного прижать за жабры. Это дело можно отложить до вечера, то есть, до окончания сегодняшнего дня сорев-

нований. Гляжу на часы – двенадцать. Время до встречи со вчерашним иностранцем-бомбистом еще есть. Не торопясь, покидаю стадион. По радиии, спрятанной в дубле зуба, связываюсь с Машиной, даю указания ждать меня возле кафе с интригующим названием «Китайский подвальчик».

8

Кафешка эта в кругу людей строгой морали пользовалась дурной славой. Для тех же, кто не обременен узами благопристойности, этот уголок кооппита был просто раем. Что касается меня – так мама привила мне с детства любовь к китайской кухне.

Заказываю обед, в ожидании незаметно оглядываю посетителей. Все тот же контингент. Знакомые все лица. Проститутки, педерасты, сутенеры. Валютные дельцы (мелочь, конечно). Замечаю, что одна из проституток призывно подмигивает мне и делает пальцами непристойное движение. Попутно с этим автоматически отмечаю, что лет этой девице четырнадцать, от силы пятнадцать. И тут меня бес попутал: беру и подмигиваю в ответ. Хотя знаю на сто процентов, чем эти подмигивания кончатся. Этой скороспелке только того и надо. Через пару секунд она уже сидит у меня на коленях и приторно сюсюкает:

– Муц-щ-щина, угостите коньячком, а я вам за это что-то покажу!

Сижу и в душе костерю себя: «Козел безрогий!», а сам делаю малявке бодливую козу и не менее противным голосом отвечаю:

– Что же такого девочка может мне показать? Коньячок нынче дорог. За коньячок-то я могу такого потребовать, ой-

ой-ой!

А стерва эта, не на секунду не задумываясь:

– Что угодно, куда угодно и сколько угодно! – и лезет рукой мне в брюки. Этого еще не хватало!

– Ты что же, дорогая, хочешь прямо здесь трахаться? спрашиваю напрямик.

– А почему бы и нет? – отвечает.

– Э, нет, так дело не пойдет! – решительно заявляю я. – Я не привык заниматься этим среди кулинарных изделий. По-едем по мне домой. На «би-би» поедем.

– На красивой? – вопрошает малолетняя любительница траханья.

– О, – отвечаю, – на шикарной! Иди и жди меня у входа.

Та моментально слетает с моих колен и, невероятно вихля задом, идет к дверям. Я, не теряя ни секунды, ретируюсь через служебный выход. Поел, называется! Ну, да сам виноват. Знал, где сижу.

Вызываю по рации Машину и, вкратце обрисовав ситуацию, назначаю новое место встречи.

9

После моего не совсем достойного ухода из кафе судьба преподносит очередной сюрприз. Еще живо под брюками ощущение шаловливо-настойчивой ручонки карликовой секс-бомбы, как из-за угла с криком: «Держи его!» на меня наезжает великолепная тройка гениев сыска, следствия и криминалистики. Такой прыти я от них никак не ожидал и, честно признаться, немного теряюсь. Секундной растерянности им хватает на то, чтобы защелкнуть на моих запястьях холодные наручники. При этом Икс злорадно приговаривает: «Ну все, теперь ты у нас в руках!», Игрек неосмотрительно размахивает перед моим носом пушкой, а Зет с идиотской хмылкой козлит вокруг меня.

– Убери свою пукалку, кретин! – пытаюсь я испортить настроение этим налетчикам. – Жену свою можешь ею стращать. Со мной этот номер не пройдет. Она же у тебя горохом заряжена, мичуринец!

Игрек на мои слова реагирует совершенно неожиданно. Я думал, он обидится, а этот стрелок-любитель ликует:

– Все слышали? Все? Оскорбление при исполнении!

– И это тебе зачтется! Все зачтется! – не менее радостно замечает Зет, продолжая скакать вокруг меня. – О многом придется тебе пожалеть...

– Сейчас, разбежался, – отвечаю. – Майя Плисецкая недо-

траханная...

Больше не успеваю сказать ничего обидного – эти паразиты затыкают мне рот моим же носовым платком (хоть за это спасибо, у меня-то он чистый) и, подбадривая пинками, волюкуют в отделение. Тащусь и ничего не понимаю. Неимоверно стыдно перед прохожими (ведут, как какого-то матерого уголовника), а самое главное – за что ведут-то?!

В отделении, куда меня не совсем самостоятельно доставили, приходится пережить еще одно унижение. Пока эти самодеятельные артисты оформляли сцену для следующего действия, меня не совсем вежливо (точнее – совсем невежливо) усаживают на деревянную скамью в коридоре. Одиноким я себя не чувствую, кроме меня, на скамейке томятся ожиданием еще с пяток задержанных. И как на грех, знакомые все лица. Все, в разное время, имели дело со мной, как с инспектором. А теперь получается, я с ними одна компашка! Они ехидно ржут...

Войдя в кабинет, я профессионально оцениваю обстановку. Пеналообразная комната, зарешеченное окно. Дистрофичный стол и геморроидальные стулья. Из достижений несовременной техники – кассетный магнитофон местного производства да непонятного дизайна настольная лампа. На что она похожа, и думать неловко. В общем – серость под стать хозяевам кабинета. Святая троица садится на мягкие стулья (геморроя не боятся, сволочи), меня же усаживают на жесткий колченогий табурет в самой середине комнаты. Эк-

зекуцию начинает Икс. Шикарным жестом он включает магнитофон и плебейски орет:

– Фамилия? Имя? Отчество?

Меня разбирает смех. Эти гении не удосужились дать свободу хотя бы моему языку. Ну, да бог с ними! Пусть сами ломают головы над моим молчанием.

Икс тем временем продолжает реветь быком:

– Постоянное местожительство? Место работы? Национальность? Пол? Возраст? Принадлежность к какой партии?

Настроение у меня поднимается еще выше. Представляю, что было бы с ними, если бы я ляпнул, что пол у меня женский. И ведь поверили бы! Потому как анкетам не лгут. По крайней мере, в нашей стране. Даже для проверки пощупать бы не полезли. Ну, про принадлежность и говорить нечего. Член какой партии? А может, бракованной?.. Лично я предпочитаю быть самим собой, а член пусть остается членом, коим ему по природе быть положено.

Тем временем Икс выдыхается и в работу включается Игрек. Ревет он потише, зато каждую фразу подтверждает тычком кулака в загривок.

– Можете не отвечать на наши вопросы! Мы и так все про вас знаем! – И трясет перед моим носом папкой с моими инициалами на обложке.

Ого, думаю, шустряки! Уже и дело успели сварганить!

– И улик против вас предостаточно, – продолжает Игрек и выставляет на стол... Что бы вы думали? Мои измазанные

в дерьме туфли! Те, что я выбросил вчера неподалеку от обделанного киоска.

– Улика номер один! – голосом базарной торговли включилась в ихний ор Зет. – И тебе не удастся доказать, что это не твоя обувка! Экспертизой доказано, что эти туфли последние три дня носил ты. А самое главное, испражнения на них по химическому и биологическому составу полностью идентичны испражнениям, найденным на месте происшествия!

Эге! – думаю. – Это ужа посерьезнее будет. Надо выкручиваться, не то знаю я этих волков – пришьют все нераскрытые дела за последние сто пятьдесят лет. А как, скажите на милость, выкручиваться, если у меня рот заткнут? Сижу, трясу головой, мычу что-то нечленораздельное.

– Ага! – хором заголосили все трое. – И крыть нечем! Ишь, как заюлил...

Заюлишь тут, тем более, Икс достает из стола пачку фотографий, показывает мне и заявляет:

– А на это что скажешь?

Гляжу я на снимки и млею. Покойный Золотарь во всех ракурсах.

– И учти, – добавляет Игрек, – у нас есть свидетельские показания хозяина кемпинга. А в них он, между прочим, прямо заявляет, что последний, с кем он видел живого Золотаря, был ты. И он же под присягой признался, что и первый, с кем он видел мертвого Золотаря, тоже был ты. Будешь

продолжать играть в молчанку?

Я сижу и тщетно пытаюсь вытолкнуть языком кляп. Челюсти трещат, щеки рвутся! Основательно законопатили, гады! Делаю последнюю отчаянную попытку и (жив буду, свечку поставлю!) чувствую, как кляп потихоньку начинает покидать мой рот. Еще одно усилие и... Фу-у-у! Наконец-то! Потихонькудвигаю челюстями – целы вроде. Делаю несколько глубоких вдохов и выдаю:

– Ну, вы, лапсердаки ушастые, даете! Я подозревал, что с мозгами у вас не густо, но не до такой же степени! Допрашивать битый час и ждать взаимности, не замечая кляпа в моем рту? Это даже не идиотизм, это что-то биологическое! Уж не обижайтесь, коллеги, на правду-матку!

Вижу, смутились. Смотрят оторопело на кляп, валяющийся у моих ног, потом друг на друга. А я сижу и думаю, что следующим их шагом будет отыскание виновного в этом ляпсусе. Так и случилось. Жаль только, спектакль был коротким. Мое присутствие не позволило им раскрыться во всей красе. При постороннем не очень-то дашь волю рукам и языку. Финал этой трагикомедии тоже был мне заранее известен. Тройной вопль вызвал дежурившего за дверью сержанта и... Грех с души – гора с плеч!

А я в это время ускоренными темпами вырабатывал линию поведения. Рассказать, как все было на самом деле? Едва ли поможет. У этих волчар устойчивая аллергия к правдивым показаниям. Чем правдивее им отвечаешь, тем мень-

ше они верят. С другой стороны, чем нелепее ложь (лишь бы только в нее укладывались все имеющиеся в распоряжении следствия факты), тем больше веры твоим показаниям. Но я находился в цейтноте, времени на фантазирование не было. Да и принципами своими, даже под угрозой потери свободы, не хотелось поступаться. Будь что будет! Случаются же чудеса на белом свете!

– Вечер вопросов и ответов объявляю открытым, – начинаю я. – Позвольте представиться. Ломов Николай Иванович. Одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения. Русский. Холост. Частный инспектор. Мужской. Не член, но с ним, – отвечаю на вопросы в порядке поступления. – Далее: мои ли это туфли? Ответ: мои. Далее: я ли был тем человеком, который видел живого Золотаря последним и мертвого первым? Ответ: да, этим человеком был я. Чем очень горжусь. Уважаемая публика имеет еще вопросы? Не имеет. Я кончил, господа!

Ну и рожы у этой великолепной троицы! Рты – хоть трамвай вкатывай. Глаза у кого где. Далее всех они укатились у Зета. Куда-то в район ушей. Да и сам я, признаться, не ожидал от себя подобного монолога, выдержанного в стиле наглой правды. Смотри-ка ты, оказывается, иногда полезно проводить такие сеансы шоковой правдотерапии. Потихоньку встаю и направляюсь к выходу. Пинком открываю дверь, при этом чуть не сшибив с ног вахтенного сержанта, и без слов протягиваю ему скованные руки. На улице появляюсь

уже без этих украшений.

Первое, что вижу, выйдя на крыльцо отделения – моя милая, ненаглядная Машина. Мое появление она приветствует радостным гудком и гостеприимным распахиванием передней дверцы. Остальные три, а также капот и багажник, открываются и закрываются, производя невероятный лязг и стук.

Похоже на аплодисменты, думаю я и с криком: «Я люблю тебя, дорогая!» падаю в зовущий комфорт салона.

Тихо играет ненавязчивая музыка. Что-то грустно-блюзовое. Стекла потемнели (поляроид, тоже немало стоил), не пропуская ни луча света извне. Только с дисплея льется мягкой цветовой гаммы потом. Воздух пропитан запахом моря и нежности. Временами возникает почти физическое ощущение прикосновения к моему лицу чего-то эфемерного, но теплого и ласкового.

Через десять минут уравниваюсь душевно и физически, вхожу в полную боевую форму.

– Знаешь, шеф, – с немалой долей уважения говорит Машина, – ты меня приятно удивил.

– Это чем же? – спрашиваю.

– Да тем, что ты выбрал самый беспроигрышный вариант освобождения из плена. Любой другой был изначально обречен на провал. Но не обольщайся. Скоро они выйдут из шока и устроят на тебя настоящую охоту. С борзыми и ружьями. А также книжной уголовной кодексом в лапах.

– Сколько же, по твоим подсчетам, у нас осталось времени до их расстолбнячивания? – интересуюсь я.

– Укрыться в какой-нибудь норе хватит, – отвечает Машина. – Но если ты решил расследовать это дело до конца, то ноль часов ноль минут. Правда, это если не предпринимать никаких ответных шагов, а сидеть, сложа руки, как ки-

тайский болванчик.

– Что же мы можем сделать? Ведь сейчас на нас целая армия фараонов поперет. Сама же говорила!

– Говорила. И от слов своих не отказываюсь. Что касается наших возможностей – есть у меня одна мысль. В случае, если эта небольшая импровизация пройдет – времени у нас будет вагон и маленькая тележка. Сейчас увидишь игру высшего класса.

Наступает тишина, прерываемая редкими щелчками и телефонным гудением. На дисплее загорается сообщение: «Подключаюсь к городской телефонной сети. Ищу номер данного отделения». Неожиданно раздается громкий всхрюк, и голосом, полным металлическо-командных нот, Машина выдает:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.